

Х. Я. Идельчик

НАРКОМ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ Г. Н. КАМИНСКИЙ

Умный большевик, с ним все охотно сотрудничают.

И. П. Павлов

В этом кратком и емком определении Иван Петрович Павлов удивительно точно подметил характернейшую черту Григория Наумовича Каминского, с 1934 по 1936 г. возглавлявшего Наркомат здравоохранения РСФСР, а с июля 1936 г. — вновь созданный Наркомат здравоохранения СССР. Эта черта была свойственна и юному гимназисту в Минске, где в 1913 г. Гриша Каминский 18-летним вступил в партию большевиков, стал распространителем ленинской «Правды», активным пропагандистом ее идей в молодежных и рабочих кружках, и студенту медицинского факультета Московского университета в 1915—1917 гг., связанному с Московским областным бюро РСДРП (б), выполнявшему его задания среди студентов, рабочих Москвы и Тулы, завоевавшему огромный авторитет и любовь товарищей по университету. Общепризнанный вожак студентов, Гриша Каминский оставил по себе добрую память у сокурсников, которую они пронесли через всю свою жизнь. Об этом ярко свидетельствуют воспоминания о нем на встречах выпускников курса (на котором лишь 2 года учился Григорий Каминский), проводившихся регулярно каждые 5 лет в течение 60 лет (с огненного 1919-го до 1979 г.).

Эта черта закалилась и прочно укрепилась в годы работы его в Туле (1917—1920). В этот тяжелейший для страны период гражданской войны и иностранной интервенции молодой 22-летний большевик-ленинец Григорий Каминский находится на ответственных постах: секретаря губкома партии, председателя исполкома Тульского Совета, председателя военно-революционного комитета, члена реввоенсовета 2-й армии укрепленного района обороны Тулы, редактора большевистской газеты, организатора и вдохновителя комсомольской и одной из первых в стране пионерской организаций края. Здесь, в Туле, он стал любимцем рабочих знаменитых тульских заводов, любимцем молодежи.

Положение и значение Тулы — города оружейников — для всей страны, для судьбы революции обусловили глубочайшее внимание к городу, к его партийным, советским, военным органам со стороны ЦК ВКП(б) и В. И. Ленина. Переписка, телефонная и телеграфная связь, личное знакомство с В. И. Лениным при посещениях его делегациями тульских большевиков, интерес и внимание В. И. Ленина лично к Григорию Каминскому оставили глубокий след и еще более укрепили в молодом талантливом большевике черты бойца ленинской партии. Не случайно тульские большевики, расставаясь осенью 1920 г. с

Г. Н. Каминским в связи с его отъездом в Азербайджан, писали в Баку: «...в лице тов. Каминского коммунисты и весь пролетариат тульской губернии уступают бакинскому пролетариату самое лучшее, что имелось в тульской организации».

Один год (1920—1921-й) Григорий Наумович Каминский провел в Баку, где был первым секретарем ЦК КП(б) Азербайджана и председателем Бакинского совета. Здесь, в труднейшей обстановке борьбы за укрепление завоеваний Советской власти, он также проявил черты, столь необходимые для решения насущных проблем ленинской национальной политики, восстановления нефтяной промышленности, крестьянского вопроса и других острых проблем.

Постоянная помощь Москвы, ЦК ВКП(б), лично В. И. Ленина, ближайших его соратников, работавших на Кавказе (Г. К. Орджоникидзе, С. М. Кирова, Е. Д. Стасовой, Н. Н. Нариманова и др.), помогли добиться некоторых сдвигов в решении вопросов партийного и советского строительства в республике. В 1921 г. на посту секретаря ЦК партии Азербайджана Г. Н. Каминского сменил С. М. Киров.

Как руководитель Тульской и Азербайджанской партийных организаций, Г. Н. Каминский был делегатом с решающим голосом на VI (1917), VIII (1919), IX (1920) и X (1921) съездах партии. Здесь, особенно на X съезде, укрепились его непосредственная связь, контакт и взаимопонимание с В. И. Лениным в решении ряда принципиально важных вопросов политики партии (новая экономическая политика, профсоюзы и др.).

Следует отметить еще один этап деятельности Григория Наумовича до работы в Наркомздраве, который прошел в Москве на ответственных участках хозяйственной, партийной и советской работы. Так, в 1922—1929 гг. он возглавляет труднейший участок хозяйственного строительства — становление сельскохозяйственной кооперации и колхозного движения (сложность этой работы со всей очевидностью выявляется сегодня при решении одного из острейших вопросов перестройки аграрной политики в стране); в 1929—1930 гг. заведует отделом пропаганды и массовой работы ЦК ВКП(б); в 1931—1932 гг. — секретарь Московского комитета партии; в 1932—1933 гг. — председатель исполкома Московского областного совета. В этот период Г. Н. Каминский — делегат с совещательным голосом XI (1922), XII (1923), XIII (1924), XIV (1925) съездов и с решающим голосом XV (1927), XVI (1930) и XVII (1934) съездов партии. На XIV—XVII съездах он избирается кандидатом в члены ЦК. Выступления Григория Наумовича на съездах партии, его мысли, точки зрения, конкретные предложения очень ярко отражают его жизненную позицию, взгляды на основные принципиальные вопросы развития страны в 20-х — начале 30-х гг. Они удивительно актуально звучат сегодня, во многом созвучны с постановкой ряда острых проблем, которые призвана решать провозглашенная партией перестройка во всех сферах политической, экономической и культурной жизни страны. Лейтмотивом его выступлений с полным основанием можно считать горячий призыв к переходу от административных к экономическим методам управления (роль сельскохозяйственной кооперации, развитие рыночных отношений, регулирование финансовой системы, хозяйственный расчет, строжайший контроль за качеством продукции, в том числе и контроль рублем, непримиримая борьба с бесхозяйственностью и безответственностью и др.).

Постановлением Президиума ВЦИК от 15 февраля 1934 г. Г. Н. Каминский назначен был народным комиссаром здравоохранения РСФСР, став, таким образом, третьим наркомом здравоохранения Российской Федерации (после Н. А. Семашко и М. Ф. Владимирского). Органам здравоохранения под руководством Г. Н. Каминского предстояло решать ответственные задачи, поставленные вторым пятилетним планом развития народного хозяйства (1933—1937). Здравоохранение, этот важнейший участок социалистического строительства, несмотря на неоспоримые достижения, во многом еще отставал от темпов развития и нужд страны. Новому руководству Наркомздрава при-

шлось проделать колоссальную работу, чтобы проанализировать положение дел на местах, выявить положительные примеры работы, имеющие место недостатки, их основные причины, наметить пути их ликвидации.

Все эти вопросы явились предметом обсуждения на Всероссийском совещании актива работников здравоохранения в августе 1934 г., где нарком выступил с докладом о задачах советского здравоохранения. Текст доклада и развернутые резолюции по основным вопросам здравоохранения были опубликованы отдельным изданием,² а итоги совещания и основные намеченные им задачи освещены в статье Г. Н. Каминского, опубликованной в том же году.³

Важным событием в истории здравоохранения явилось обсуждение доклада Г. Н. Каминского на XVI Всероссийском съезде Советов в январе 1935 г. В докладе, изданном в том же году в виде двух книг,⁴ дан глубокий анализ основных успехов и достижений здравоохранения, его современного состояния, недостатки и их причин, ближайших задач и путей их решения. Учитывая опыт работы, проведенной до и после августовского совещания 1934 г., нарком имел возможность в этом докладе представить более глубоко проанализированные и аргументированные материалы, подвести некоторые итоги, более четко сформулировать основные задачи. Доклад Г. Н. Каминского вызвал живую заинтересованность делегатов съезда. В его обсуждении приняли участие 28 человек — представителей как центра, так и разных регионов страны. По докладу наркома здравоохранения съезд Советов принял развернутое постановление, явившееся программой деятельности на ближайшее время. На XVI Всероссийском съезде Советов Г. Н. Каминский был избран членом ВЦИКа.

В ходе подготовки и проведения августовского совещания, доклада на Всероссийском съезде Советов и главным образом после съезда наркомздрав РСФСР провел колоссальную работу. О том, как насыщен был этот период конкретными делами, свидетельствует, в частности, один только перечень (далеко не полный) важнейших постановлений партии и правительства, Наркомата здравоохранения РСФСР по вопросам здравоохранения, принятых в 1934 — 1936 гг.⁵ В подготовку и в борьбу за осуществление этих постановлений Г. Н. Каминский как нарком здравоохранения РСФСР и главный государственный санитарный инспектор СССР вложил огромный труд. Весь свой талант руководителя, широкий государственный подход к вопросам здравоохранения, энтузиазм, творческую инициативу и принципиальность направил он на борьбу за выполнение решений съезда Советов.

Г. Н. Каминский был одним из инициаторов и активных пропагандистов создания Наркомздрава СССР. Он отчетливо понимал, что исторический ход событий, все возрастающая роль и усложнение задач здравоохранения в системе народного хозяйства, науки и культуры страны объективно приводили к такой необходимости. К началу 30-х гг. в этом направлении уже был сделан ряд практических шагов: установилась единая система подготовки медицинских кадров в СССР: были созданы такие общесоюзные учреждения и организации, как Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ), Всесоюзная государственная санитарная инспекция (ВГСИ), Всесоюзное объединение курортов (Союзкурорт); все более широко осуществлялось общесоюзное законодательство в различных отраслях здравоохранения; функционировали всесоюзные научные медицинские общества и съезды, научно-исследовательские учреждения. Важное значение в деле координации планирования здравоохранения в союзном масштабе имело создание сектора здравоохранения в Госплане СССР в марте 1930 г. и ЦСУ СССР.

Наркомздраву РСФСР, который по традиции 20-х гг. координировал и руководил по существу деятельностью наркомздравов союзных республик, становилось все труднее выполнять эти задачи. 20 июля 1936 г. был создан Наркомздрав СССР, а Г. Н. Каминский назначен его наркомом. Одновременно он оставался и на посту наркома здравоохранения РСФСР (до марта 1937 г., когда на это место был назначен П. Г. Сергиев).

Создание Наркомздрава СССР знаменовало собой новый этап в истории советского здравоохранения. На Наркомздрав СССР было возложено руководство здравоохранением через наркомздравы союзных республик и управления переданными в его непосредственное подчинение учреждениями и предприятиями. Неизмеримо выросли и расширились выходящие далеко за рамки ведомственных задачи здравоохранения.

Неполный год пришлось Г. Н. Каминскому возглавлять Наркомздрав СССР. Но и этот год ознаменован рядом активных действий, которые были направлены на формирование организационной структуры наркомата, подбор кадров, подготовку и принятие ряда важных решений, их осуществление, составление планов на завершающий год второй пятилетки.⁶

В рамках статьи невозможно охарактеризовать хотя бы основные направления деятельности Григория Наумовича Каминского на посту наркома здравоохранения РСФСР и СССР. Приведем лишь некоторые, наиболее характерные примеры, свидетельствующие о том, что богатейший опыт партийной, советской, хозяйственной работы позволил ему не только объективно оценить достигнутые за 20 лет после революции успехи советского здравоохранения, но и приложить максимум усилий для возможного их закрепления и дальнейшего развития. И, что очень важно, он смог увидеть, вскрыть, проанализировать и во весь голос заявить об имеющихся место крупных недостатках. Верный большевистской принципиальности, Каминский не мог оставаться равнодушным к начавшим уже в те годы формироваться негативным явлениям, замалчивание которых привело в итоге к последствиям, ставшим столь ощутимыми в наши дни.

В своих выступлениях Г. Н. Каминский обращал самое серьезное внимание на многочисленные свидетельства резкого отставания во всех сферах охраны здоровья населения (на позорные цифры необеспеченности врачами; на состояние больничного дела в городе и деревне; на положение с родильной помощью; на совершенно нетерпимое положение, сложившееся в санитарно-эпидемиологическом деле, в снабжении населения и лечебно-профилактических учреждений лекарствами, инструментарием и медицинским оборудованием, и на многие другие недостатки, с которыми никоим образом нельзя было мириться). Очень актуально звучат сегодня предложения наркома о необходимости резкого повышения качества подготовки врачей, материально-технической базы вузов, увязки педагогической и научной работы, ликвидации врачебных пустынь в деревне, улучшения материальных и культурных условий жизни и работы врачей, среднего и младшего медицинского персонала, правильной организации работы в лечебных учреждениях, разгрузки врачей от управленческо-административной работы.

Остро звучали настойчивые требования о необходимости углубленного изучения состояния эпидемического фронта, основных его очагов, тенденций распространения инфекционных заболеваний, о ликвидации «хвостизма», гнилого либерализма, такого положения, при котором органы санитарно-эпидемиологической службы не пользуются предоставленным им правом «заговорить твердым языком государственной власти» (закрытие предприятий, привлечение к уголовной и административной ответственности за нарушения правил санитарной культуры). Особое внимание обращал Г. Н. Каминский на необходимость борьбы с пассивностью, инертностью органов здравоохранения в отношении химико-фармацевтической промышленности (этому способствовало ее существование вне системы здравоохранения), создания собственной медицинской промышленности, использования в этих целях местной промышленности и кооперации.

Нарком призывал к преодолению многих других серьезных недостатков в работе органов здравоохранения: бесхозяйственности в строительстве, неорганизованности финансового хозяйства, отсутствия четкого, своевременного учета и явной недооценки его, часто простой неграмотности в вопросах организации

труда, замкнутости в «собственной скорлупе», подмены живого оперативного руководства мертвой бумагой, бюрократическими, управленческо-административными методами, отрыва от общественности и трудящихся масс и др. Много внимания уделял Г. Н. Каминский имевшей место «теории» об отмирании в условиях социалистического общества лечебной медицины и врача-лечебника — теории, наносившей огромный вред делу здравоохранения.

Приведем некоторые конкретные высказывания Г. Н. Каминского по ряду острых вопросов: «Вошло в практику зачастую совершенно ненужное замалчивание материалов по движению эпидемических заболеваний и борьбе с ними. Дошло до того, что врачи не знали о движении эпидемий не только в Союзе, но и в тех городах, где они работали... Некоторые „умники“ пытались даже из медицинской печати искоренить слово „эпидемия“. Эпидемические заболевания перестали в должной мере изучаться. Ошибки, сделанные в одних местах, не использовались как урок для других мест»; «Вместо активной борьбы по предупреждению и лечению болезней герои самотека сложили ручки и отошли от активной медицинской работы, возложив упование на общие мероприятия Советской власти по оздоровлению труда и быта рабочих масс»; «Нигде и никто так безобразно не строил, как мы. Наркомздравовские стройки сделались нарицательными. Многие лечебные учреждения строились годами, а дальше фундамента дело не шло. 150 объектов начато было строительством 4—5, даже 10 лет назад».⁷

«Если мы с Вами не перестанем подходить к оценке состояния здравоохранения с правилом: „Все спокойно, все хорошо, а если что и плохо, я не вижу“, — и если мы не осознаем отставания нашей работы, мы и впредь будем сидеть на том же месте, на каком находясь в настоящее время. Сейчас с исключительной ясностью должна быть осознана огромная угрожающая отсталость здравоохранения, отсталость, которая задерживает культурный рост страны. Такое положение является нетерпимым. Должна быть проделана исполинская организаторская работа, чтобы исправить это», — писал он в другой работе.⁸ И еще: «...у нас стала обычным явлением практика, что органы здравоохранения ведут „свою“ работу, не зная и не интересуясь, что в этой же области делается профсоюзами по линии социального страхования, и, наоборот, профсоюзы, выполняя „свою“ работу, не знают и не интересуются работой органов здравоохранения; причем характерно, что эта разобщенность в верхних звеньях выражена сильнее, чем в нижних, непосредственно на предприятиях».⁹ Главная причина, — считал Г. Н. Каминский, — «...в нашем неумении координировать государственные и общественные формы работы, в той ведомственной замкнутости, в которой еще и до сих пор упречны органы здравоохранения и от которой далеко не свободна профсоюзная работа по линии социального страхования».¹⁰ Как актуальны все эти высказывания в наши дни!

Красной нитью через всю деятельность Г. Н. Каминского на посту наркома здравоохранения Российской Федерации и СССР проходит огромное внимание его к медицинской науке, научно-исследовательским учреждениям, творческой деятельности ученых. Это не было формальной обязанностью наркома здравоохранения. Отношение ко всей сфере науки было органически свойственно человеку, глубоко понимавшему роль науки в развитии народного хозяйства страны (в частности, такого важного его участка, как охрана здоровья народа).

Большое внимание Г. Н. Каминский уделял деятельности научно-исследовательских институтов. Важное значение имели утвержденное 28 августа 1935 г. «Положение о центральных государственных и периферических научно-исследовательских институтах Наркомздрава РСФСР» и подписанный наркомом 4 сентября 1935 г. приказ «Об упорядочении организации и улучшении работы научно-исследовательских (центральных и периферических) институтов системы Наркомздрава РСФСР». Особое внимание уделял Г. И. Каминский ВИЭМу. Каминский вошел в состав созданной в 1935 г. правительственной

комиссии по рассмотрению проекта строительства «Большого ВИЭМа» и возглавил ее медицинскую комиссию. Он провел большую работу по реорганизации этого крупнейшего научного центра страны, предшественника созданной в 1944 г. Академии медицинских наук СССР, по приближению его деятельности к нуждам здравоохранения.

Григорий Наумович отдавал много сил и времени работавшим в ВИЭМе ученым. Добрые, дружеские отношения сложились у него с И. П. Павловым. Каминский заслужил высокую оценку ученого, которая прекрасно выражена в словах, приведенных нами в эпиграфе. Далеко не каждый большевик мог услышать такие слова в свой адрес из уст И. П. Павлова. Об отношении И. П. Павлова к Г. Н. Каминскому свидетельствует опубликованный недавно в «Медицинской газете» (2.XI.1988) и в «Советской культуре» (14.I.1989) документ из архива АН СССР. В подборке «Советской культуры» под названием «Протестую против безудержного своевластия» приведена переписка акад. И. П. Павлова с Председателем Совета Народных Комиссаров СССР Молотовым. Письма раскрывают совершенно новую страницу биографии ученого, особенно важную в наши дни.

Одно из писем Ивана Петровича направлено наркому здравоохранения РСФСР:

«Глубокоуважаемый Григорий Наумович!

Примите мою сердечную благодарность за Ваш чрезвычайно теплый привет по случаю моего 85-летия. К сожалению, я чувствую себя по отношению к нашей революции почти противоположно Вам. В Вас, увлеченного некоторыми, действительно огромными положительными достижениями ее, она „вселяет бодрость чудесным движением вперед нашей Родины“; меня она, наоборот, очень часто тревожит, наполняет сомнениями.

Думаете ли Вы достаточно о том, что многолетний террор и безудержное своеволие власти превращают нашу и без того довольно азиатскую натуру в позорно-рабскую?.. А много ли можно сделать хорошего с рабами? — Пирамиды, да; но не общее истинное человеческое счастье. Останавливаете ли Вы Ваше внимание достаточно на том, что недоедание и повторяющееся голодание в массе населения с их непрменными спутниками — повсеместными эпидемиями — подрывают силы народа? В физическом здоровье нации, в этом первом и непрменном условии, — прочный фундамент государства, а не только в бесчисленных фабриках, учебных и ученых учреждениях и т. д., конечно, нужных, но при строгой разборчивости и надлежащей государственной последовательности.

Прошу простить, если я этим прибавлением сделал неприятным Вам мое благодарственное письмо. Написал искренне, что переживаю.

Преданный Вам Ив. Павлов.

10 сентября 1934 года».

Одна деталь особенно отличает письмо Каминскому от писем Молотову. Последние подписаны официально: «Академик Ив. Павлов»; письмо Каминскому — «Преданный Вам Ив. Павлов». Отношения И. П. Павлова и Г. Н. Каминского действительно отличались глубоким взаимным уважением и преданностью. К сожалению, нам пока неизвестно, что ответил Г. Н. Каминский И. П. Павлову. Но из новой публикации в «Медицинской газете» (16.VII.1989) стало известно другое письмо Г. Н. Каминского, направленное И. П. Павлову в связи с его болезнью в феврале 1936 г.: «Дорогой Иван Петрович! Желаю скорей подняться. Вы — железный и выдержите эту новую напраслину. Крепко жму руку, привет Серафиме Васильевне. Г. Каминский». Из этой же статьи видно, что П. Н. Каминский «...реально сделал больше всех для выполнения

ленинского завета о создании Павлову самых благоприятных условий для работы. Он добился выделения огромных средств на строительство биостанции в Колтушах, на оборудование павловских лабораторий...».

Если о тесной связи Г. Н. Каминского с ВЭИМом в настоящее время уже опубликован ряд интересных материалов, то об отношении его к другому научному учреждению — к Медико-генетическому институту — известно очень мало. Институт, инициатором создания и руководителем которого стал профессор Соломон Григорьевич Левит, был организован в начале 30-х гг. в системе Наркомздрава РСФСР, а в июне 1937 г. наряду с другими научно-исследовательскими институтами был передан в систему Наркомздрава СССР. Об отношении Григория Наумовича Каминского к институту, к его руководителю и к разрабатывавшейся в этом учреждении науке — медицинской генетике — ярко свидетельствует история, связанная с проходившим в Москве в декабре 1936 г. 2-м Всесоюзным съездом невропатологов и психиатров.

26 декабря 1936 г. в «Правде» (С. 4) была опубликована заметка «По ложному пути». В ней сообщалось, что к началу съезда было напечатано 1000 экземпляров «Бюллетеня». «Но, — пишет „Правда“, — делегаты его не получили... Чем же было вызвано, — читаем дальше, — такое небывалое в советской практике событие?». И ответ: причина в «криминальном» абзаце в статье акад. М. Б. Кроля. Приведем этот абзац: «Немало лженаучных теорий наши авторы протаскивали у нас, сами того не подозревая, смыкаясь со злейшими фашистскими и расистскими теоретиками. Сколько чепухи написано в этом духе „школкой“ проф. Штефко, или „школкой“ проф. Ленца, или институтом проф. С. Г. Левита. Беспощадная борьба с такой лженаукой — одна из боевых задач нашего фронта».

«Этот абзац, — пишет „Правда“, — вызвал резкое недовольство наркомздрава Г. Н. Каминского, под энергичным давлением которого собрание партгруппы съезда вынесло решение об изъятии № 1 „Бюллетеня“». И далее: «Ошибочное решение! Оно отнюдь не делает чести ни партгруппе, ни автору предложения. Уничтожив тысячу экземпляров „Бюллетеня“, организаторы съезда стали на путь зажима самокритики и по сути дела взяли под свою защиту таких носителей лженаучных теорий, как проф. С. Г. Левит. Известно, что Левит и руководимый им институт в своих трудах протаскивают по существу фашистскую „научную“ концепцию: о биологической предопределенности рас, о всемогущей роли наследственности, о биологической обусловленности преступности и т. д. Известно, что за связь с контрреволюционными элементами С. Г. Левит исключен Фрунзенским райкомом ВКП(б) из партии. И все-таки тов. Каминский нашел возможным предложить кандидатуру Левита в президиум съезда. Понимают ли товарищи, что история с первым номером „Бюллетеня“ отнюдь не способствует смелому разворачиванию самокритики и направляет работу съезда по ложному пути?».

Как узнается в этом поступке Григорий Наумович Каминский, с его честностью и принципиальностью, смелостью и настойчивостью, свойственным ему чувством самокритики. Сегодня этот поступок выглядит особенно примечательным. Нарком здравоохранения выступил против тезиса, нарочито выделенного в «Правде» жирным шрифтом, дабы привлечь к нему особое внимание; он добился решения, в правильности и необходимости которого был убежден: «Бюллетень» на следующий день был получен делегатами съезда, но без этого тезиса.

В опубликованных трудах съезда имя Г. Н. Каминского упомянуто лишь в связи с его выступлением на заключительном заседании, в котором он сказал, что Наркомздрав в ближайшее время еще ближе займется вопросами психиатрической и неврологической помощи населению, и высказался в пользу необходимости увеличения числа часов преподавания нервных и душевных болезней. Материалы Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР свидетельствуют о том, что это было не единственное выступление Г. Н. Каминского на съезде, что с большой речью он выступил при его открытии.

В архиве сохранилась ее стенограмма, представляющая, с нашей точки зрения, исключительный интерес.¹¹ В этой речи нарком подчеркнул, что задачей съезда он считает обсуждение программных тем, характеризующих основные проблемы психиатрической и неврологической помощи населению, которая продолжает оставаться отсталым участком. К обсуждению вопросов генетики и наследственности съезд не готов; этими ключевыми проблемами медицинской науки, от которых невропатологи и психиатры не могут «отойти в сторону», следует специально и серьезно заниматься.

Г. Н. Каминский говорит о необходимости культуры дискуссий, об опасности приклеивания ярлыков. Он как бы предостерегает от нечестности в спорах, которая может привести к разгрому науки и гибели ученых. Касаясь тезиса М. Б. Кроля, Григорий Наумович заявил, что, если ученые ошибаются, их можно поправить, но не номенклатурировать их. «Это не на железной дороге — размечать грузы: сразу номер, штамп, другой — и пошел. Нечего нам штампованием заниматься...».¹² Если Вы объявляете людей фашистами, — говорит далее Г. Н. Каминский, — так надо знать, что это грозит им тюрьмой. Профессор Левит исключен райкомом из партии, но значит ли это, что этот человек не может быть полезным беспартийным работником? Если его ошибки связаны только с наукой и научно он неправильно выступил, то это нельзя рассматривать как контрреволюцию.

Г. Н. Каминский обращает внимание на то, что, по имеющимся у него данным, в Медико-генетическом институте настоящего научного обсуждения не состоялось. Это «...была не дискуссия, а, грубо выражаясь, избивание людей». На реплику Г. Новицкого, что в институте установлена виновность Левита, Г. Н. Каминский ответил: «Да, я знаю Ваше отношение к институту, но не снимаю того, что сказал». И далее: «Я мог бы рассказать подробно об этом... и напрасно тов. Новицкий наталкивает нас на это. Мы рассмотрим это в другом месте. Вопрос об ошибках Левита в области генетики не так прост, и его надо решать не так легко, как пытаются это делать некоторые. Напрасно некоторые товарищи думают, что, раз он исключен из партии, то это все. Напрасно они так думают... Исключение из партии вовсе не означает того, чтобы человека снимали с научной работы, выгоняли бы его с работы и т. д., если он не допустил каких-либо преступлений... Так что не следует путать эти вопросы».¹³

Заканчивая свою речь, Г. Н. Каминский подчеркнул: «Мы не отрицаем ни элементов наследственности, ни генетики, т. е. закономерностей в наследственности, ни существования рас (находятся такие, которые боятся даже назвать слово „раса“), но мы должны беспощадно разоблачать те насилия и злоупотребления этими элементами, которыми пользуется фашизм в классовых интересах буржуазии, в интересах угнетения».¹⁴

В мае 1937 г. в Наркомздраве СССР была создана специальная комиссия по обследованию Медико-генетического института. В архиве сохранились два протокола ее заседаний у наркома.¹⁵ На заседании 7 мая была создана комиссия, в которую вошли видные ученые: профессора В. С. Левит (председатель), Л. Н. Федоров, Б. И. Лаврентьев, С. Н. Давиденков, А. Д. Сперанский. Комиссии было поручено в течение двух недель провести работу по проверке института. Второе заседание состоялось 16 мая. В. С. Левит доложил о проведенной работе и сообщил, что окончательных выводов комиссия еще не сформулировала. В обсуждении приняли участие все члены комиссии. Значительный интерес представляет заключение Г. Н. Каминского. Вот его основные мысли: «Генетику нельзя закрывать, нужно очень серьезно подумать о том, как ее развивать. ВИЭМ не должен быть оторван от этого дела... Сами ошибки не очень строго и точно определены. Я думаю, что ошибки идут по такой линии: правильно ли поставлены эксперименты... Нужно было указать правильные пути. Исследовали эксперименты, а получился общий удар по всей генетике... Вопрос о самом Левите — нельзя рассмотрение политических ошибок связывать с анализом

научной работы...».¹⁶ Г. Н. Каминский делает вывод: «Институт должен быть сохранен — это бесспорно».¹⁷ Таково было отношение наркома здравоохранения СССР Григория Наумовича Каминского к институту, который стал центром важного и перспективного научного направления, в котором в 1932—1937 гг. был проведен ряд исследований, поставивших советскую медицинскую генетику на одно из ведущих мест в мире.

Однако в 1937 г. институт прекратил свое существование, его директор С. Г. Левит был снят с работы и арестован. Наша страна далеко отстала от шагнувших за эти годы вперед исследований в области генетики за рубежом.

Глубокий интерес проявлял Г. Н. Каминский к работе научных медицинских обществ и съездов. В 1934 г. он возглавил Совет научных медицинских обществ, созданный при Наркомздраве в 1932 г. Его заместителем стал Н. Н. Бурденко. В феврале 1936 г. нарком утвердил новое положение о Совете научных медицинских обществ. Григорий Наумович принимал личное участие в работе многих научных медицинских съездов.

В центре внимания Г. Н. Каминского постоянно были и вопросы медицинского образования, и деятельность медицинских вузов страны. В соответствии с Постановлением ЦИК СССР «О подготовке врачей» (сентябрь 1934 г.) были предприняты некоторые шаги, способствовавшие улучшению положения в этой области. Был открыт ряд новых институтов. Принципиально важным явилось создание в эти годы профильных факультетов: лечебных, педиатрических, санитарно-гигиенических, стоматологических.

Живо интересовался Г. Н. Каминский жизнью творческой молодежи, путями привлечения ее к научной работе. Он продолжил родившуюся в начале 30-х гг. традицию созыва конференций молодых научных работников. В 1934 и 1936 гг. при активной роли Наркомздрова РСФСР были проведены такие конференции, в которых в качестве молодых научных работников принимали участие будущие крупные ученые, ставшие широко известными не только в нашей стране, но и за рубежом. Назовем имена академиков АН СССР и АМН СССР: А. Д. Адо, М. А. Барон, А. Е. Браунштейн, Н. И. Гращенков, Н. П. Дубинин, З. В. Ермольева, Б. В. Огнев, Б. В. Петровский, С. А. Саркисов и мн. др.

Значительна и интересна роль Г. Н. Каминского в развитии творческих связей советских и зарубежных ученых в области медицины. Особое место в истории медицинской науки середины 30-х гг. занимают два международных конгресса, состоявшихся в нашей стране: IV конгресс по борьбе с ревматизмом (1934) и XV конгресс физиологов, фармакологов и биохимиков (1935). Внимание, помощь, участие Г. Н. Каминского в подготовке и проведении этих конгрессов во многом способствовали их успеху. В дни XV конгресса еще более укрепился контакт Г. Н. Каминского с И. П. Павловым. Нарком тесно общался с признанным лидером конгресса и в Ленинграде, и в Москве.

Курс на максимальное развитие международных научных связей успешно продолжался Наркомздравом СССР. В конце 1936 — начале 1937 г. Г. Н. Каминский, руководители бюро заграничной санитарной информации В. М. Броннер и Е. И. Донской вели интенсивную переписку с зарубежными научными организациями и отдельными учеными по поводу совместной работы, командировок, обмена литературой и главным образом организации научных съездов и конференций. Эта деятельность Наркомздрова частично отражена в отдельных публикациях, но гораздо более полное представление о ней дают архивные материалы. С большим успехом прошла, в частности, в марте 1937 г. советско-французская конференция по микробиологии и хирургии.

Таким образом, Григорий Наумович Каминский, будучи с февраля 1934 г. по март 1937 г. наркомом здравоохранения РСФСР и меньше года первым наркомом здравоохранения Союза ССР, внес значительный вклад в советское здравоохранение. Ему удалось оживить многие участки работы наркомздрова, заметно укрепить связи с учеными, с работниками здравоохранения в центре

и на местах, добиться ряда положительных результатов как в практической, так и в научной области.

Роковым оказался для Григория Наумовича Каминского 1937 г. Как мы уже знаем, Наркомздрав РСФСР он возглавил в 1934 г., сразу после окончания работы XVII съезда ВКП(б), вошедшего в историю страны как «съезд победителей», но в действительности оказавшегося «съездом расстрелянных».

В исключительно трудных условиях пришлось работать наркому Г. Н. Каминскому. Как кандидат в члены ЦК ВКП(б), он был свидетелем нарастающего террора. Как честный, принципиальный коммунист, верный ленинец, он понимал, что происходящее означает явный отход от ленинских позиций, принципов, норм жизни партии и государства. Это, очевидно, понимали многие. Но немногие имели смелость, волю и мужество публично высказать свой резкий протест против творимых беззаконий, а значит, и против их вдохновителя Сталина, организаторов и исполнителей Ежова, Берия и др.

Не каждый в той сложнейшей обстановке мог решиться на такой отважный шаг, ибо ясно было, чем он грозит. Даже такой закаленный в борьбе человек, каким партия и народ знали Серго Орджоникидзе, не выдержал. «Свой шанс совести, — пишет Д. Волгонов в работе «Триумф и трагедия», — Орджоникидзе использовал, хотя и не лучшим, но в той обстановке, пожалуй, единственно достойным способом». ¹⁸ По такому пути пошли и другие деятели партии и государства.

Однако Григорий Наумович Каминский избрал иной путь — путь публичного протеста. Он сознательно шел на это, хотя отчетливо сознавал, что сам подписывает себе смертный приговор, понимал, что ждет его жену и детей. Но он не смог молчать, когда видел, что над партией и страной нависла смертельная опасность. По свидетельству жены Н. И. Бухарина А. М. Лариной Г. Н. Каминский выступил еще на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б). ¹⁹ Но гораздо больше данных о его выступлении на июньском (1937) Пленуме.

В течение многих лет, как известно, тема эта была под строгим запретом. Все связанные с ней вопросы оставались без ответа. Лишь после XX съезда КПСС ненадолго была приподнята завеса. В одном из разделов доклада Н. С. Хрущева «О культуре личности и его последствиях», прочитанном на закрытом заседании этого съезда и опубликованном лишь в 1989 г., несколько строк посвящены Г. Н. Каминскому: «Были ли сигналы о том, что Берия враждебен партии человек? Да, были. Еще в 1937 году на Пленуме ЦК бывший нарком здравоохранения Каминский говорил, что Берия работал в мусавистской разведке. Не успел закончиться Пленум ЦК, как Каминский был арестован и затем расстрелян. Проверил ли Сталин заявление Каминского? Нет, потому что Сталин верил Берия, и этого было для него достаточно. А если Сталин верил, то никто не мог уже сказать что-либо противоречащее его мнению; кто бы вздумал возразить, того постигла бы такая же судьба, как и Каминского». ²⁰

Имя Г. Н. Каминского среди других, кто выражал протест против беззаконий, названо в изданной в начале 60-х гг. «Краткой истории СССР». Тогда же появились воспоминания очевидцев происходивших событий — старых большевиков Ф. Н. Петрова, Л. П. Резауского, П. М. Серебрякова, А. М. Криницкого и др. В статье «Место вступления в партию — Минск», посвященной Г. Н. Каминскому, они пишут: «В 1937 году на июньском Пленуме ЦК ВКП(б) Г. Н. Каминский выступил с решительным протестом против необоснованных репрессий и злоупотреблений властью со стороны Сталина и сам стал жертвой произвола». ²¹

В 60-х — начале 70-х гг. Г. Н. Каминскому был посвящен ряд работ, где упоминалось о его выступлении 1937 г. Затем его имя, как и все другие имена, связанные с трагическими событиями 30-х гг., снова было предано забвению. Тогда не были вскрыты до конца все обстоятельства его гибели. И только в наши дни мы начали узнавать правду об истории своей страны, а тем самым — и о

судьбе Г. Н. Каминского. Его имя упоминается в ряде публикаций последних лет, например Д. Волкогонова «Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина»²² и Р. Медведева «О Сталине и сталинизме».²³

Вот что рассказала дочь Григория Наумовича — Светлана Григорьевна Каминская: «В мае 1937 года у меня родился брат. Радость отца была велика. Папа назвал сына Сергеем в честь Сергея Мироновича Кирова и Серго Орджоникидзе, с которыми его связывала дружба. Мама была в декретном отпуске, поэтому мы смогли рано уехать на дачу. Стояли погожие дни, и ничего не предвещало того страшного горя, которое на нас вскоре обрушилось.

В один из дней конца июня отец приехал поздно вечером, ужинать не стал и сразу прошел в комнату к маме. Ночью я слышала ее тихий плач и серьезный убеждающий голос отца. Утром мама не вышла из спальни, а папа, обращаясь ко мне, сказал: „Давай с тобой погуляем“. Он взял меня за руку, и мы не меньше получаса ходили по дорожкам сада. Я что-то говорила ему, тянула за рукав, но он молчал и крепко сжимал мою руку. Я прониклась его настроением и стала бояться, что он скоро уедет. И он уехал... Много позже я поняла, что он тогда попросился со мной. Лишь к концу дня мама вышла из спальни и сказала: „Отец предупредил, что если он не вернется вечером, то он не вернется никогда“.

Ночью был обыск. Военные осмотрели весь дом. Утром мы вернулись в город, в уже разгромленную квартиру Дома на набережной, где мы тогда жили. Нам предложили ее оставить в течение нескольких часов. Маму арестовали, когда брату не исполнилось и года. Мы остались с бабушкой, которой было семьдесят лет. Каждое утро бабушка собиралась, как на работу, в дом на Лубянке. Наконец, она узнала, что папа осужден на десять лет без права переписки, а мама — на восемь лет как жена „врага народа“.

Когда кончилась Великая Отечественная война, казалось, что горя на Земле больше не будет. Мама была в Ухте, после отбытия срока ее оставили там на поселении. С момента ареста отца прошло десять лет, но сведений о нем не было. Я подала заявление о пересмотре дела. Часами мы сидели в длинной понурой очереди в Главной военной прокуратуре, где каждый раз отвечали, что вопрос рассматривается.

Когда первым секретарем ЦК стал Н. С. Хрущев, все неожиданно изменилось. Подул ощутимый свежий ветер свободы. Никита Сергеевич часто обращался к народу. Мне передали, что он вспоминает Каминского как смелого и честного человека, выступившего против репрессий. Я написала в Кремль. 2 марта 1955 года Военной коллегией Верховного Суда СССР Г. Н. Каминский был посмертно реабилитирован (справка № 4-н-01739/55). В этом же году была реабилитирована моя мать — Надежда Анатольевна Каминская.

В КПК при ЦК КПСС исполняющий обязанности председателя КПК П. Т. Комаров сказал мне, что я могу гордиться своим отцом, что на июньском (1937) Пленуме ЦК ВКП(б) он выступил вслед за Ежовым, который потребовал особых полномочий для органов внутренних дел в связи с выявлением широкого круга „врагов“. Г. Н. Каминский спросил: „Почему членов ЦК арестовывают без ведома других членов ЦК? Это нарушение Устава партии. То, что сейчас творится, — это безумие, так можно уничтожить всю партию. Я знаю перечисленных людей как верных ленинцев“. Г. Н. Каминский связал чрезвычайные меры с внедрением Берия в окружение Сталина. Он подчеркнул необходимость контроля партии за деятельностью органов внутренних дел. Во время перерыва между заседаниями Пленума Г. Н. Каминский был арестован и на следующем заседании уже не присутствовал.

В дни работы XX съезда КПСС, 17 февраля 1956 г., КПК при ЦК КПСС восстановила Г. Н. Каминского в партии. Меня снова вызвали в КПК и сообщили, что Г. Н. Каминский очень мужественно держался на следствии. Ему было предъявлено обвинение в том, что он являлся с 1929 г. одним из участников организации правых, что в Наркомате здравоохранения он создал террористи-

ческую группу и участвовал в ряде диверсионных актов (в частности, развернул склады медикаментов на западной границе СССР, хотя войны с Германией не предвиделось). Ложных обвинений Г. Н. Каминский не подписал и тем самым никого не оклеветал. Имя Г. Н. Каминского было названо в процессе над Берия».

Григорий Наумович Каминский был расстрелян в феврале 1938 г. Ему исполнилось только 42 года! Жертвой репрессий стал человек, полный энергии, творческих сил, созидательных планов, человек огромного личного обаяния, который еще очень многое мог сделать для советского здравоохранения.

Примечания

- ¹ Бакинский рабочий. 1985. 5 ноября. С. 4.
- ² Каминский Г. Н. Задачи советского здравоохранения: Сокращ. стеногр. докл. на Всерос. совещ. зав. край(обл)здравотделами и наркомов автоном. респ. и областей. 20—26 авг. 1934 г. М.; Л., 1934.
- ³ Каминский Г. Н. За решительную перестройку здравоохраненческой работы//На фронте здравоохран. 1934. № 9. С. 1—9.
- ⁴ Каминский Г. Н.: О работе и задачах в области народного здравоохранения в РСФСР: Докл. на XVI съезде Советов РСФСР. Л., 1935; Охрана здоровья в Советском Союзе: Докл. на XVI Всерос. съезде Советов, доп. при подгот. к печати. М.; Л., 1935.
- ⁵ Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР. 1925—1940. М., 1973. С. 203—251.
- ⁶ Там же. С. 251—265.
- ⁷ Каминский Г. Н. Охрана здоровья в Советском Союзе. М.; Л., 1935. С. 15, 47, 56.
- ⁸ Каминский Г. Н. Задачи... С. 27.
- ⁹ Каминский Г. Н. Здравоохранение и социальное страхование//Гигиена и санитария. 1936. № 12. С. 5, 6.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ ЦГАОР СССР, ф. Р-8009, оп. 1, ч. 1, д. 47.
- ¹² Там же, л. 50.
- ¹³ Там же, л. 54.
- ¹⁴ Там же, л. 64—65.
- ¹⁵ Там же, д. 113, л. 1—28.
- ¹⁶ Там же, л. 25, 26—27.
- ¹⁷ Там же, л. 27.
- ¹⁸ Октябрь. 1988. № 12. С. 109—110.
- ¹⁹ Знамя. 1988. № 12. С. 167.
- ²⁰ Изв. ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 155.
- ²¹ Сов. Белоруссия. 1963. 14 авг. № 190. С. 4.
- ²² Октябрь. 1988. № 12. С. 154—156.
- ²³ Знамя. 1989. № 3. С. 162.